

Абдилдабекова А.М.,
Касымова Д.Б.

**Западные исследователи
об истоках советского
пролетарского феминизма
в начале XX века**

В статье рассматриваются основные направления изучения в западной историографии политики советского режима в отношении женщин периода раннего сталинизма (1920-1930-е годы). Исследователи отмечают, что феминизм вырос на почве социальных утопий Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других мыслителей той эпохи, советское движение феминизма основано на идеях Фридриха Энгельса. История развития феминизма в начале XX века характеризуется движением за права женщин в обществе, которое строилось на приоритетах равноправия и создания равных политических, экономических и социальных прав женщин. Это включает в себя стремление к установлению равных возможностей для женщин в сфере образования и занятости. Исследователи используют сложные теоретико-методологические концепты для того, чтобы показать не только особенности большевистской инженерии в ходе создания новой советской женщины, но и активное участие или скрытое сопротивление женщин в ходе этого многостороннего и многослойного процесса.

Ключевые слова: советская гендерная политика, сталинизм, тоталитаризм, ревизионизм, советская модернизация, феминизм.

Abdildabekova A.M.,
Kassymova D.B.

**Western researchers on the
sources of soviet proletarian
feminism in early XX century**

The article elucidates major directions in western historiography of the soviet regime politics to women in the early Stalinism times (1920-1930-s). The researchers point that feminism evolved out of social utopian theories of Sent-Simon, Fourier, Owen and others of the that epoch, while the soviet feminism is based on the Friedrich Engles ideas. The feminist history of early XX century is characterized by the gender rights movement that prioritized equality, creation of equal social and economic opportunities for women. That encompasses the drive to establish equal opportunities for women in spheres of employment and education. The researchers employ complex theoretical-methodological concepts to reveal not only peculiarities of the Bolshevik engineering while new soviet women was constructed, but active participation or hidden female resistance during that multifaceted and multileveled process.

Key words: soviet gender policy, Stalinism, totalitarianism, revisionism, soviet modernization, feminism.

Әбділдабекова А.М.,
Қасымова Д.Б.

**XX ғасыр басындағы
пролетарлық феминизмнің
бастаулары батыстық
зерттеулерде**

Мақалада батыстық тарихнамадағы кеңестік әйел бейнесінің сталинизмнің алғашқы кезеңдегі қалыптасуына талдау жасалынған (1920-1930 жж.). Зерттеушілер феминизмнің Сен-Симона, Фурье, Оуэн әлеуметтік утопиясынан бастау алып, Фридрих Энгельстің идеясына ұласып, кеңестік феминизм идеясын жалғасқандығына ерекше тоқталған. XX ғасыр басындағы қоғамдағы әйел теңдігі саяси, әлеуметтік және экономикалық теңдікке ұмтылуға қатысты өрістүін атап өтуге болады. Бұл мәселе әйелдің білім алу және беру, қызметтік баспалдақтағы орнын айшықтауға қатысты туындаған еді. Зерттеушілер қоғамдағы кеңестік инженерлік өзгерістердің жаңа әйел бейнесін қалыптастыруда астыртын қарсы тұру үдерісінің болуын баса назарға алады. Кеңестік жүйенің осы кезеңдегі қоғам санасын әйел бейнесі арқылы өзгертуге ұмтылуының саяси модернизацияға апаратын жол ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: кеңестік гендерлік саясат, сталинизм, тоталитаризм, ревизионизм, кеңестік модернизация, феминизм.

ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИСТОКАХ СОВЕТСКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ФЕМИНИЗМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Когда мы произносим термин «феминизм», то в первую очередь ассоциируем с движением и идеологией, направленной на защиту интересов женщин. Другими словами, феминист – это человек, который является сторонником прав равенства женщин. Исследователи полагают, что основные принципы феминизма, которые известны миру, изложил в своих работах Фридрих Энгельс. В частности, в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он определил угнетение женщин как наиболее древнюю и жёсткую форму угнетения кого-то бы ни было в истории человечества. Таким образом, феминизм выступил разновидностью марксизма, коммунизма, ещё одним тоталитарным переустройством общества для избранных. Мы знаем, что Советский Союз стоял у основания практического воплощения теории коммунистического строительства. Первые декреты советской власти были в отношении женщин многообещающими, но как все оказалось в реалиях, показал исторический ход развития страны. В данном ракурсе вызывает научный интерес один из самых противоречивых периодов истории СССР – период сталинизма.

На основе многолетнего изучения различных аспектов советской истории в западной историографии утвердилось положение о том, что период сталинизма следует рассматривать как основополагающий этап формирования фундамента советской империи. История взаимоотношений советского государства и народа через эволюцию политических реформ и методов, которые были использованы режимом для проведения модернизации и превращения Страны Советов в модель новой цивилизации, изучается в трех измерениях: власть и её идеологи, практики разных уровней и исполнителей и целевые группы населения. С. Коткин рассматривает сталинизм не просто как форму социально-политического переустройства общества, но и как программу создания новой цивилизационной общности – советской [1]. Утверждение сталинской модели построения социализма с середины 1920-х годов часто сравнивается западными исследователями с процессом сползания мира в «страшный котлован» [2], в котором сплывались высокие идеалы, геополитические интересы, амбиции и надежды. Вневременные эффекты сталинизма и советской модернизации в целом так или

иначе изменили цивилизационные траектории развития обществ, которые были частью советской империи. Опыт решения комплекса гендерных проблем в СССР представляется многим исследователям и практикам наиболее продвинутым с точки зрения соответствия целям и задачам модернизации, хотя и спорным в плане эффективности (в пространственно-временном континиуме).

Теоретико-методологический опыт западных исследователей и особенности их взгляда на историю решения женского вопроса в целом в СССР и в национальных окраинах, каким являлся в то время Казахстан, интересен по нескольким причинам. Во-первых, западные научные школы применяют теории, которые раскрывают внутренние механизмы принятия решений, обоснованные прагматическим подходом со стороны стоящих у власти, обеспокоенных судьбой режима. Во-вторых, опыт работы западной школы над официальными документами и материалами так называемого личного блока (дневники, мемуары, доносы, заявления, интервью, фотодокументы, сны, иконография) раскрывает методики, позволяющие выявить за личными мотивами поведения людей и официальным дискурсом особенности логики социального порядка в жизни индивида, что было характерно именно для истории России или республик СССР. Западные исследователи стремятся использовать разные теоретико-методологические инструменты для того, чтобы увидеть внутреннюю природу подчинения и сопротивления, которая привела к трансформации общества и женщин.

В данной статье поставлена задача рассмотреть, как интерпретируется советская гендерная политика в западной историографии в советской системе координат сталинской эпохи по линиям взаимоотношений женщины и власти в период утверждения культа личности И.В. Сталина. Для западных научных школ при изучении взаимоотношений женщин и тоталитарного режима в целом характерно смешение стилей и подходов (междисциплинарность), что объясняется, с одной стороны, не только сравнительно недавно предоставленным правом доступа к советским архивам (в том числе и к рассекреченным документам) и «раскрытием» внутреннего мира советских женщин (разных по составу), но и сложностями в поисках объяснения природы поведения людей в СССР, различиями в том, как понимают свой мир люди разных цивилизационно-культурных систем с политических и идеологических установок. Основной

вопрос, на который стремились найти ответ в своих исследованиях западные историки, – как большевикам удалось совершить за очень короткий срок настоящую социальную (и гендерную, в том числе) революцию в стране, где женщину не воспринимали в качестве человека, и сконструировать советских женщин через переходные состояния работница-крестьянка, социально-активная общественница и строитель нового быта до образа воина-защитницы. Как политику государства понимали сами женщины, имели ли место сопротивления?

Следует выделить два больших периода в изучении западными научными школами особенностей советской трансформации сталинской эпохи – до 1991 года и после распада Советского Союза. Первый период западной историографии советской истории просуществовал под общим названием советология (*soviet studies*), которое было настолько широким, что внутри появилось множество ответвлений. Наиболее влиятельные позиции в изучении истории взаимоотношений в треугольнике режим-общество-личность занимает школа тоталитаризма, сформулированная Ханной Арентд [3]. Тоталитарная школа историографии рассматривает сталинизм как систему принудительного внедрения принципов контроля и отмечает, что к 1930 году государство полностью решило «женский вопрос» посредством широких аффирмативных акций. По Ханне Арентд, в тоталитарных режимах важно было для личности выразить свою внутреннюю свободу и определиться с отношением к режиму, непременно в формулах сопротивления-неприятия или согласия-сотрудничества. Философские основы школы были заложены в трудах Н. Бердяева, Х. Ортега-и-Гассета, известных антиутопиях Е. Замятина «Мы» (1920) и О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). Варианты тоталитарной школы менялись в зависимости от исторического периода, доступности архивных источников, геополитической конъюнктуры и идеологического заказа. Далее идейные постулаты школы получили дальнейшее развитие у исследователей службы геополитической советологии (*Sovietology*) – Р. Пайпса [4], М. Малиа [5], Р. Конвеста [6], которые работали в рамках *Russian studies* и *Soviet and Communist studies*.

После распада СССР интерес к исследованиям в русле тоталитаризма возрос и знаковыми работами, определившими роль и место СССР в мировой истории, стали труды Р. Пайпса [7], З. Бжезинского [8] и Й. Баберовски [9]. Особенности трансформации советского общества

и степень эффективности политики руководства советской империи и влияния на группы и личности изучались путем анализа источников, полученных в ходе реализации так называемого Гарвардского проекта (Harvard Refugee Interview Project) [10].

Й. Баберовски считает, что основная цель сталинских (и далее советских реформ) состояла в том, чтобы претворить в жизнь своеобразно понятые идеи модернизма, продукта эпохи Просвещения [9]. И особенно плодотворными могли быть результаты трансформации и модернизации традиционных обществ колониальных окраин. Национальная и этническая идентичность должна была быть подчинена советской идентичности или чувству принадлежности к советскому обществу. Женщины должны были воспитывать в себе советское [11]. Советское поколение женщин сформировалось в 1920-1930-е годы. Именно они заложили базовые основы восприятия внешней стороны своей жизни в виде приспособления к режиму, выработки стратегии выживания, адаптации к сложным социально-экономическим условиям, рецепты сохранения этничности и семейного багажа культурной памяти, секретов женственности и поддержания семейного счастья, форм социальной межличностной и межгрупповой коммуникации, поисков каналов социальной мобильности.

Исследования западных историков о природе, механизмах и инструментах большевистского решения социальных проблем исходили из поиска социокультурных предпосылок понимания женской проблематики в истории России. Р. Стайтс проследил эволюцию русского феминистского движения и реакцию женщин на большевистскую версию разрешения их проблем [12]. В дореволюционной России дискуссии о природе проблематики женского вопроса тесно увязывались с особенностями политического режима (самодержавия), и следовательно, только его свержение могло действительно освободить женщину [13]. Разрешение комплекса вопросов так называемой «женской корзины» не было краеугольным камнем в политике большевиков до прихода к власти. Женщины приравнивались к общей массе обездоленных, чьи проблемы прямо увязывались с необходимостью свержения власти капитала. Теоретико-пропагандистские рассуждения и практические меры для решения «женского вопроса», предпринятые А. Коллонтай, И. Арманд, Н. Крупской, не получили широкой поддержки у советского руководства (к середине 1920-х годов по разным причинам

они «ушли» из «большой политики»), и последующее его реальное наполнение подчеркивало стремление руководства страны подчинить женскую сущность интересам государства.

Западные исследователи теоретического и практического наследия основоположниками женского пролетарского феминизма в России считают И. Арманд и А. Коллонтай, которые полагали, что подлинное освобождение женщины возможно только при социализме через наделение женщин экономическими правами, а именно, в предоставлении им возможности принимать участие в экономическом процессе. Это последовательно меняет их роль в семье и обществе и позволяет из-за своего производительного участия наравне с мужчинами требовать от государства и мужчин для себя права – гражданские и политико-административные [13], [14]. Политика в отношении женщины в советской России отражала стремление режима показать обновление общества через освобождение женщины от семейного контроля, моральных предрассудков, общественного мнения. Поэтому образы первых советских партийных лидеров-женщин были такими яркими – И. Арманд, А. Коллонтай, Л. Рейснер. Хотя они выступали за отмену домашнего рабства (домашней занятости женщин) [15], но в условиях того времени женщины не могли быть свободными от семейных обязанностей. Это была программа подрыва патриархальных устоев, но в этой системе патриархат мужчин заменялся силой государства и его органов [16]. Свободные отношения вне брака между мужчинами и женщинами, растиражированные А. Коллонтай, к середине 1920-х годов [17] были подвергнуты критике советским руководством как отклонение от социализма и отвлекающие от строительства социализма.

Сторонники западных феминистских теорий рассматривали особенности поведения женщин и отношения к ним в России (до и после революции 1917 года) с точки зрения психологических и культурных архетипов – самопожертвование, защита очага и себя от мужского посягательства через анализ русского фольклора, мифоритуальных оснований традиционной русской культуры и героизации женских типов в русском легендарном комплексе. Объясняется интерес к роли женщин в процессах строительства социализма в СССР именно осознанием не только трагичности женских судеб, но и их жертвенностью в годы сталинских реформ и репрессий и во время Второй мировой войны [18], [19], [20]. Формирование образа женщины-воина было не просто

самоцелью, считают западные исследователи, но и отвечало практическим задачам советского государства – женщины нужны были как строители социализма и для экспорта успехов и достижений страны Советов [21], [22], [23]. Необходимо было заставить женщин отвлечься от личных проблем и показать, что есть страдания ради высшей цели – быть готовой умереть за родину. Советская пропаганда эксплуатировала образы героев революции жертв царского режима и участников революционных событий и гражданской войны, особенно тех, кто пост-

радал от белых и врагов революции. Западные исследователи указывают, что советская пропаганда также использовала религиозные христианские символы и успешно их продвигала, что показательно через понимание защиты родины как святого долга и в подвижничестве участников Великой Отечественной войны [24], [25].

Статья написана в рамках проекта МОН РК «В эпоху коренной трансформации общества: жизненные истории женщин в Казахстане периода сталинской модернизации, 1920-1930-е гг.».

Литература

- 1 Kotkin Steven, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley 1995.
- 2 Платонов А. Котлован. Собрание сочинений в 5-ти томах. – Т. 2. – С. 308-397.
- 3 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996.
- 4 Pipes R. *The Russian Revolution*. – N.Y., 1990.
- 5 Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. – New York, 1994. – P. 143.
- 6 Conquest R. *The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties*. – New York, 1968; Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations*. – New York, 1991.
- 7 Пайпс Р. О русском перевороте: Русская революция. В 2-х тт. – М., 1994.
- 8 Brzezinski Z. *The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. – N.Y., 1989. – P. 21.
- 9 Баберовски Й. Красный Террор. История сталинизма. – М., 2007.
- 10 Harvard Project on the Soviet Social System//URL: <http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html>.
- 11 Johnston T. *Being Soviet: Identity, Rumor and Everyday life under Stalin. 1939-1953*. Oxford University Press. 2014.
- 12 Stites R. *The Women Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1830-1930*. 1978 Edition. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- 13 Evans Janet, ‘The Communist Party of the Soviet Union and the women’s question: the case of the 1936 Decree ‘In Defense of Mother and Child’’, *Journal of Contemporary History*, 16:4 (1981), 757-75.
- 14 Buckley Mary, *Women and Ideology in the Soviet Union* (University of Michigan Press; Ann Arbor, MI, 1989).
- 15 Арманд И. Задачи работниц в Советской России // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. – М., 1975. – С. 68-69.
- 16 Арманд И. Освобождение от домашнего рабства // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. – М., 1975. – С. 65.
- 17 Коллонгай А. Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. – 1923. – №23, май, – С. 123.
- 18 Lauter, Estella and Carol Shreiter Rupprecht, eds. *Feminist Archetypal Theory: Interdisciplinary Re-Visions of Jungian Thought*. Knoxville: the University of Tennessee Press, 1985; Lauter, Estella. ‘Visual Images by Women: A Test Case For The Theory of Archetypes’ in Lauter, Estella. & Schreier Rupprecht, Carol, eds. *Feminist Archetypal Theory: Interdisciplinary Re-Visions Of Jungian Thought*. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1985, pp. 43-83.
- 19 Barker Adele Marie, *The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination*. Columbus: Slavica Publishers, 1986.
- 20 Hubs Joanna, *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
- 21 Schrand Thomas Gregory, ‘Industrialization and the Stalinist Gender System: Women Workers in the Soviet Economy, 1928-1941’ (Ph.D. diss., University of Michigan, 1994).
- 22 Ilic Melanie, *Women Workers in the Soviet Interwar Economy. From ‘Protection’ to ‘Equality’*. St. Martin’s Press; New York, 1999.
- 23 Goldman Wendy Z., *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. Cambridge University Press; Cambridge, 1993.
- 24 Frank J.Miller, *Folklore for Stalin Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era*. – New York: Armonk, 1990.
- 25 Clark, K. *The Soviet Novel: History as Ritual* Chicago: the University of Chicago Press, 1985.

References

- 1 Kotkin Steven, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley 1995.
- 2 Platonov A. *Kotlovan. Sbranie sochinenij v 5-ti tomah*. – Т. 2. – С. 308-397.
- 3 Arendt H. *Istoki totalitarizma*. – М.: CentrKom, 1996.
- 4 Pipes R. *The Russian Revolution*. – N.Y., 1990.
- 5 Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. – New York, 1994. – P. 143.
- 6 Conquest R. *The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties*. – New York, 1968; Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations*. – New York, 1991.

- 7 Pajps R. O russkom perevorote: Russkaja revoljucija. V 2-h tt. – M., 1994.
- 8 Brzezinski Z. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. – N.Y., 1989. – P. 21.
- 9 Baberovski J: Krasnyj Terror. Istorija stalinizma. – M., 2007.
- 10 Harvard Project on the Soviet Social System//URL: <http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html>.
- 11 Johnston T. Being Soviet: Identity, Rumor and Everyday life under Stalin. 1939-1953. Oxford University Press. 2014.
- 12 Stites R. The Women Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1830-1930. 1978 Edition. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- 13 Evans Janet, 'The Communist Party of the Soviet Union and the women's question: the case of the 1936 Decree 'In Defense of Mother and Child'', *Journal of Contemporary History*, 16:4 (1981), 757-75.
- 14 Buckley Mary, *Women and Ideology in the Soviet Union* (University of Michigan Press; Ann Arbor, MI, 1989).
- 15 Armand I. Zadachi rabotnic v Sovetskoj Rossii // Armand I.F. Stat'i, rechi, pis'ma. – M., 1975. – S. 68-69.
- 16 Armand I. Osvobozhdenie ot domashnego rabstva // Armand I.F. Stat'i, rechi, pis'ma. – M., 1975. – S. 65.
- 17 Kollontaj A. Dorogu krylatomu Jerosu // Molodaja gvardija. – 1923. – №23, maj, – S. 123.
- 18 Lauter, Estella and Carol Schreier Rupprecht, eds. *Feminist Archetypal Theory: Interdisciplinary Re-Visions of Jungian Thought*. Knoxville: the University of Tennessee Press, 1985; Lauter, Estella. 'Visual Images by Women: A Test Case For The Theory of Archetypes' in Lauter, Estella. & Schreier Rupprecht, Carol, eds. *Feminist Archetypal Theory: Interdisciplinary Re-Visions Of Jungian Thought*. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1985, pp. 43-83.
- 19 Barker Adele Marie, *The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination*. Columbus: Slavica Publishers, 1986.
- 20 Hubs Joanna, *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
- 21 Schrand Thomas Gregory, 'Industrialization and the Stalinist Gender System: Women Workers in the Soviet Economy, 1928-1941' (Ph.D. diss., University of Michigan, 1994).
- 22 Ilic Melanie, *Women Workers in the Soviet Interwar Economy. From 'Protection' to 'Equality'*. St. Martin's Press; New York, 1999.
- 23 Goldman Wendy Z., *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. Cambridge University Press; Cambridge, 1993.
- 24 Frank J.Miller, *Folklore for Stalin Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era*. – New York: Armonk, 1990.
- 25 Clark, K. *The Soviet Novel: History as Ritual* Chicago: the University of Chicago Press, 1985.